Рецензии

Pirner, M.L., Lähnemann, J., Bielefeldt, H. (eds) (2016) *Human Rights and Religion in Educational Contexts*. Springer International Publishing. — 346 p.

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-299-307

Коллективная монография посвящена исследованию понимания и реализации прав человека в различных культурах и особенно их связи с религиозными аспектами. Цель своей работы авторы видят в анализе роли религий в плюралистических обществах, основанных на соблюдении прав человека. При этом они исходят из различных религиозных и нерелигиозных перспектив в вопросах образования и из понимания различий культурного и политического бэкграунда.

Открывает монографию вводная часть «Права человека, религия и образование. Теоретические рамки», написанная М. Пирнером (*M.L. Pirner*). Основываясь на идеях Дж. Ролза и Ю. Хабермаса, Пирнер ратует за разумный баланс между универсальной нормативностью прав человека, с одной стороны, и ценностями различных религий — с другой, выступая против ограниченного секуляристского понимания прав человека, исключающего и маргинализирующего религию. Концепция Ролза об общественном разуме (*public reason*) как общем для всех основании консенсуса о правах человека представляется Пирнеру менее продуктивной, нежели идея Хабермаса о том, что для религиозных людей наилучшей опорой для признания прав человека являются убеждения, основанные на их собственной религии. В качестве примера Хабермас, а вслед за ним и Пирнер, приводят католиков и протестантов Германии, достигших абсолютного консенсуса относительно универсальности прав человека. Представляется, однако, что распространение подобного подхода на другие религии и культуры не обязательно должно привести к столь же положительным

результатам. При этом Пирнер отмечает важность предложенного Хабермасом (который, будучи агностиком, неоднократно подчеркивал свою открытость по отношению к религии) «взаимодополняющего процесса обучения» между религиозными и нерелигиозными людьми.

Вторая часть монографии посвящена общим вопросам взаимосвязи прав человека и религии. Предупреждая возможную критику позиции Пирнера, З. Мир-Хоссейни (*Z. Mir-Hosseini*) рассматривает в своей статье «Права человека и исламская правовая традиция: перспективы общего консенсуса» перспективы успешной трансляции религиозной ценности представлений о человеческом достоинстве внутрь исламской правовой системы, что, с ее точки зрения, имеет как теологические, так и политические нюансы. Мир-Хоссейни доказывает, в частности, что Мусавах (*Musawah*), женское движение внутри ислама, название которого переводится как «равенство», работает по всему миру для реализации этой цели.

Протестантский теолог Ф. Ломанн (*F. Lohmann*) в своей работе «Права человека между универсализмом и религиозным партикуляризмом» демонстрирует амбивалентность религий по отношению к правам человека, поскольку они могут являться не только движущей силой в продвижении последних, но и, напротив, препятствием для их соблюдения, выступая с обскурантистских позиций. Это связано с традиционными для религий, но противоречащими друг другу идеями собственной исключительности, с одной стороны, и саморелятивизма, равенства и терпимости — с другой. Выход, предлагаемый Ломанном, заключается в понимании просвещения и образования как основополагающих задач, стоящих перед религиозными сообществами.

Х. Билефелдт (*H. Bielefeldt*) продолжает эту тему в работе «Свобода религии или верований: тестовый кейс», рассматривая вопрос о свободе религии и вероисповедания как своего рода тест, проверку универсальности прав человека. Он замечает, что ограничения прав человека зачастую проистекают от самих религиозных сообществ, причем далеко не только мусульманских, но также и от национальных идеологий (например, в Китае), и от радикальных секуляристов, исключающих религию из публичной сферы.

М. Рохе (*M. Rohe*) в статье «Религия в школах с правовой точки зрения» рассматрива-

ет проблематику религиозного образования в Германии, где религия широко представлена в общественном пространстве и где постоянно поднимаются спорные вопросы, касающиеся как христианского фундаментализма, так и традиций ислама (ношение хиджабов в школах, раздельные уроки плавания для мальчиков и девочек и т.д.). Рохе утверждает, что Германия, с ее опытом взвешенной религиозной политики и мирного разрешения конфликтных ситуаций, может служить удачным примером для правовых систем Европы и всего мира.

Г. Негеле (*G. Negele*) в статье «Борьба за религиозную свободу в ООН: вклад Бахаи», во многом иллюстрируя теорию Пилнера, описывает пример Бахаи, религиозной общины, которая, несмотря на давление против нее, продвигает права человека, поскольку идеи о человеческом достоинстве являются ключевыми для ее религиозных представлений. Далее в монографии следуют две статьи, посвященные мусульманским странам. Я. Хассан Баджва (*Y. Hassan Bajwa*) в работе «Религиозная свобода и ахмадийская мусульманская община: исследование преследуемой общины» описывает ситуацию в Пакистане, где ущемляются права ахмадийской мусульманской общины, а С. Едалатнеджад (*S. Edalatnejad*) в статье «Развитие прав человека и мусульманские общества» предлагает пример конструктивного взаимодействия ислама и прав человека, говоря о гибкости исламской правовой традиции, особенно в вопросах свободы вероисповедания. Эта гибкость, по его мнению, должна привести к мирному сосуществованию не только различных направлений внутри ислама, но также и других религий в исламских странах.

А. Неринг (*A. Nehring*) в работе «Права человека в контексте буддизма» подчеркивает значимость представлений о человеческом достоинстве как для буддизма, так и для образования в области прав человека. Он приводит деятельность Далай Ламы и движения «социально и политически ангажированного буддизма» (*engaged Buddhism*) как примеры социальной ответственности буддизма. Помимо этого, Неринг замечает, что свойственные буддизму представления о всеобщей взаимосвязи и созависимости лежат также и в основании концепции прав человека.

Третья часть монографии, посвященная, в первую очередь, вопросам педа-

гогики, открывается работой В. Мейер (*W.A.J. Meijer*) «Взаимосвязь между правами человека в образовании и образованием в области прав человека». Она замечает, что документы ООН, связанные с проблемами образования, ориентированы скорее на дискурс о странах третьего мира и глобализации, нежели на вопросы педагогики. Таким образом, образование, вместо того, чтобы фокусироваться на нуждах детей, оказывается частью политической повестки, а сами дети — заложниками конфликтов взрослых. В результате Мейер приходит к выводу о необходимости разграничения дискурса о правах человека с политической и с педагогической точки зрения.

А. Шерб (*A. Scherb*) в своей статье «Образование в области прав человека в ракурсе прагматический дидактики политики» основывается на концепции Дж. Дьюи о демократии не как форме правления, но как, скорее, форме жизни. В этой связи просвещение в области демократии всегда оказывается и просвещением в вопросах прав человека. Ф. Швейцер (*F. Schweitzer*) в работе «Право человека на религию. Религиозное образование как одно из прав человека?» доказывает, что право ребенка на религиозное образование является неотъемлемой частью прав человека и проистекает из 26 статьи «Декларации прав человека», которая провозглашает право родителей на выбор образования для своих детей. Он также подчеркивает необходимость проведения дальнейших исследований в области религиозных прав детей в мультирелигиозном мире и напоминает о значимости межрелигиозного образования.

Х.-Г. Цибертц (*H.-G. Ziebertz*) «Отношение к правам человека христианской и мусульманской молодежи: эмпирические открытия» представляет результаты исследования, проведенного в 12 странах, целью которого было изучить, как десяти-одиннадцатилетние христиане и мусульмане оценивают права человека. Полученные данные опровергают многие стереотипы относительно ислама, т.к. среди исламской молодежи наблюдается даже больший консенсус относительно значимости многих основополагающих прав человека (прав детей, женщин, свободы слова, собраний, демонстраций, защиты от пыток, разделения между государством и религией). К сожалению, в статье не приводится перечень стран, в которых проводилось исследование. В этой связи возникает подозрение, что

это могли быть исключительно западноевропейские страны, что лишает эксперимент чистоты.

Следующие две статьи посвящены конфессиональному христианскому образованию. Т. Шлаг (*T. Schlag*) в работе «Образование в области прав человека и религиозное образование: протестантский взгляд» описывает место прав человека в протестантском образовании в Германии, доказывая, что оно базируется на центральной христианской идеи о ценности человеческого достоинства, а Б. Грумме (*B. Grümme*) в статье «Образование в области прав человека и религиозное образование: католический взгляд» предлагает схожие аргументы относительно значимости прав человека для католического образования, подчеркивая, что в их основе лежат именно христианские представления о «правах Другого».

Р. Бошкис (*Reinhold Boschkis*) в работе «Образование в области прав человека в контексте “культуры памяти”», считая, что современные представления о правах человека сформировались в результате памяти о страшных событиях XX века, формулирует концепцию «культуры памяти» (*culture of remembrance)*. С его точки зрения, потенциал религиозного образования может быть нацелен на борьбу с равнодушием и на воспитание солидарности и сочувствия. Продолжает эту тему, завершая третью часть монографии, Ц. Гросс (*Z. Gross*) работой «Образование в области прав человека с иудейской точки зрения: принципы и методы». Она подчеркивает, что иудейская духовность и религиозная педагогика могут внести значительный вклад в общую культуру памяти. Она рассматривает религиозно-дидактическое значение книги «Исход», воплощаемое в трапезе Седер как одно из средств расширения и объяснения концепции прав человека.

Четвертый, заключительный раздел книги — «Образование в области прав человека и религиозное образование: международные перспективы», открывается работой Х. Симойоки (*H. Simojoki*) «Столкновение контекстов? Права человека и международное обучение в глобализованном мире». Автор исследует, как религиозное образование может благоприятствовать формированию представлений о правах человека. Он подчеркивает значение «новой контекстуальности» — существования религии в новом глобализо-

ванном мире, в котором масс медиа в основном подкрепляют стереотипы «столкновения цивилизаций», тем самым определяя сценарий диалога между различными религиями и культурами. По его мнению, для решения этой проблемы необходим дидактический подход, который использовал бы местный потенциал для диалога, а не просто исключал спорные темы. Для достижения этой цели христианское и исламское религиозное образование должны научиться взаимодействию друг с другом. Помимо этого он замечает, что следует критически отнестись к тому, как религия представлена в масс-медиа, четко разграничить религиозную и политическую составляющие дискурса о правах человека, и, наконец, выработать восприимчивость к разнообразию контекстов, в которых формируется идентичность современных молодых людей, чья социализация больше не протекает по традиционным религиозным моделям.

Б. Грелле (*B. Grelle*) в своей работе «Первая поправка и три принципа религиозной свободы: североамериканский подход к религиозному обучению и правам человека» делится опытом в области прав человека и религиозного образования в США. Он подчеркивает, что разговор о религии в государственных американских школах основывается на Первой поправке к конституции и трех основополагающих принципах: право, ответственность, уважение. Понимая как сильные, так и слабые стороны этого подхода, Грелле доказывает, что он благоприятствует выработке уважительного отношения к правам человека и предоставляет академически качественное образование в области религии, не выходящее, в то же время, за рамки Конституции США. Э. Оуэнс (*E. Owens*) в статье «Религиозная свобода и гражданское образование в американских государственных школах» развивает эту же тему в юридическом ключе. Он указывает, что в настоящее время общественность США как никогда должна быть готова защищать религиозные свободы, гарантированные Первой поправкой, и что исполнение этой гражданской обязанности, равно как и мирное сосуществование в столь плюралистическом обществе, как американское, потребует от людей значительно больших знаний о религиях, чем им доступно сейчас из учебной программы американских государственных школ.

Автор статьи «Европейские институты, права человека и межрелигиозное образование» П. Шрайнер (*P. Schreiner*) отмечает, что европейские институты, давно озабоченные проблемами защиты прав человека, стали уделять внимание религиозному образованию лишь недавно и далеко не в полной мере. Тем не менее, неуклонно растет осознание важности межрелигиозного образования для распространения понимания прав человека и культуры уважения к ним.

Ф. Барнс (*Ph. Barnes*) в своей работе «Права человека, религиозное образование и вызов многообразия: британский взгляд» утверждает, что доминирующий до настоящего времени в британском образовании феноменологический подход с его «незначительным стремлением» воспитать религиозную толерантность более не является достаточным. Подобное положение представляется спорным, поскольку именно феноменологический подход демонстрирует близость различных религий, выявляя не противоречия между ними, но общие для них идеи и представления. Н. Ричардсон (*N. Richardson*) в работе «Вопросы и дилеммы в религиозном образовании и правах человека: перспективы применения 'Толедских руководящих принципов' к разделенному обществу» описывает опыт Северной Ирландии. Там в большинстве школ до сих пор осуществляется раздельное религиозное образование, что, по его мнению, лишь способствует дальнейшему конфессиональному размежеванию. Между тем, в «Толедских руководящих принципах по преподаванию религий и убеждений в государственных школах» ОБСЕ выдвинут принципиально иной, инклюзивный, подход, подчеркивающий роль образования в области религии в преодолении предубеждений. К. Ру (*C. Roux*) в своей работе «Собеседники, образование в области прав человека и межрелигиозный диалог: южноафриканский взгляд» рассказывает об эмпирическом исследовании южноафриканской молодежи, поколения «родившихся свободными» (т.е. после 1994 г.), которое выявило все большее понимание культурных различий и необходимости различных культурных групп быть представленными в мультикультурном пространстве. В этой связи образование в области религии сталкивается с новыми вызовами, но, в то же время, получает и новые возможности.

Й. Лёнеманн (*J. Lähnemann*) в статье «Вклад межрелигиозных инициатив в образование в области прав человека» показывает, что работа и образование в сфере прав человека представляют собой фундаментальную задачу в деле сосуществования различных религий. Он утверждает, что конкретные результаты по продвижению толерантности, представлений о равенстве и уважения к человеческому достоинству были достигнуты на основании принятия ценностей прав человека, в чем не последнюю роль сыграла деятельность различных религиозных организаций и общин.

В заключительной части «Основания и концептуальные перспективы» М. Пирнер возвращается к концепциям Хабермаса и Ролза, предполагая на их основании, что образование в области религии может благоприятствовать общей культуре прав человека тремя путями: поддерживая молодежь в ее праве на свободу вероисповедания, передавая этические основания для культуры прав человека и выводя на повестку дня вопросы человеческого достоинства и прав человека.

Очевидно, что авторы монографии смогли представить новый ракурс для понимания значимости образования в области религии. Как религиозное образование, так и права человека интерпретируются ими в философском, теологическом, правовом и педагогическом аспектах. Авторы стремятся продемонстрировать, насколько серьезно нужно рассматривать религиозное и межрелигиозное образование в качестве благоприятствующего фактора для признания прав человека, способствующего толерантности, межкультурному диалогу и взаимопониманию. С этим сложно не согласиться, однако у читателя возникает ряд закономерных вопросов.

Во-первых, в монографии в основном речь идет о христианстве и исламе, в то время как другим религиям и тем более отсутствию религиозности уделяется значительно меньшее внимание. Во-вторых, при чтении книги подчас возникает ощущение, что, признавая важность прав человека в целом, авторы часто выдвигают на первый план право на свободу вероисповедания и религиозного образования, избегая более сложных тем в контексте дискурса о религиозном образовании, способных вызвать значительные противоречия в обществе. Например, ничего не говорится о праве ребенка на получение качественного образования, которое,

как представляется, не всегда обеспечивается учебными программами религиозных школ, где преподавание научно-естественных дисциплин может быть ограниченным. Наконец, одно из основных положений книги — а именно то, что представления о ценности человеческого достоинства для самых разных религий являются центральными и тем самым предлагают крепкий фундамент для признания прав человека и прав Другого — кажется несколько нереалистичным. Впрочем, это признают и сами авторы, отмечающие эксклюзивистский характер религии и выражающие надежду на то, что подобное противоречие может быть преодолено в дальнейшем, как это было достигнуто католиками и протестантами Германии.

Бесспорно, современные светские ценности во многом были сформированы на основе религиозной этики, а борьба за свободу и равенство часто велась в ключе борьбы за право свободного вероисповедания, благодаря чему были достигнуты многие гражданские права, однако нельзя недооценивать и вклад светских дисциплин в этот процесс, например, философии и науки. Мы знаем много примеров мирного сосуществования различных культур и религий, и все же число известных нам религиозных конфликтов еще значительнее. Представляется очевидным, что качественное образование в области религии действительно способно предупреждать подобные конфликты. Еще в 1950-е гг. Г. Олпорт продемонстрировал[1] (и в дальнейшем множество других исследований в области психологии подкрепили его выводы)[2] что религиозная и культурная нетерпимость зиждется, в первую очередь, именно на невежестве, на многочисленных стереотипах и мифах, которые могло бы развенчать качественное образование в области религии, внеся таким образом значительный вклад в дело всеобщего признания прав человека и межкультурного и межрелигиозного диалога. С другой стороны, это невозможно без наличия открытой, непредвзятой и не-эксклюзивистской позиции различных религиозных организаций и деятелей в отношении других религий.

Ольга Михельсон, Николай Поляков

1. Allport, G.W. (1954) *The Nature of Prejudice*. MA: Addison-Wesley Pub. Co.
2. Dovidio, J. F., Glick, P., Rudman, L.A. (eds) (2005) *On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.